

Антоненко Елена Александровна

КУРСКИЙ СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В 1940-Е ГОДЫ

В статье рассматриваются жизнеустройство и деятельность возрожденного в годы Великой Отечественной войны Курского Свято-Троицкого женского монастыря. На основе изученной историографии и документов Государственного архива РФ проанализированы условия и формы существования обители, функционировавшей с 1942 по 1949 гг., в рамках нового законодательства и сложнейших государственно-церковных отношений. Исследование показало, что Курский Свято-Троицкий монастырь являлся единственным женским монастырем, действовавшим в РСФСР в 1940-е годы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 13-15. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 908/930.85

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются жизнеустройство и деятельность возрожденного в годы Великой Отечественной войны Курского Свято-Троицкого женского монастыря. На основе изученной историографии и документов Государственного архива РФ проанализированы условия и формы существования обители, функционировавшей с 1942 по 1949 гг., в рамках нового законодательства и сложнейших государственно-церковных отношений. Исследование показало, что Курский Свято-Троицкий монастырь являлся единственным женским монастырем, действовавшим в РСФСР в 1940-е годы.

Ключевые слова и фразы: женские монастыри; обитель; монашествующие; Великая Отечественная война; религиозная политика; деятельность; Русская православная церковь.

Антоненко Елена Александровна*Юго-Западный государственный университет**lenapuzikova@yandex.ru***КУРСКИЙ СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В 1940-Е ГОДЫ**

Великая Отечественная война стала не только тяжелейшим испытанием для народа, проверкой материальных, организационных, духовных сил, но и периодом положительных перемен в области религиозной политики в государстве. Предшествующие войне десятилетия были самыми трагическими в истории Русской православной церкви (далее – РПЦ). К концу 1930-х годов Церковь как организационная структура в результате жесточайших гонений была практически уничтожена. Но, несмотря на множество запретов, репрессий, она сумела выжить, выстоять как институт и пережить со своим народом беды и тяготы военного лихолетия как в былые времена своей тысячелетней истории. Так, в первый же день войны в лице Местоблюстителя Престола митрополита Сергия (Страгородского), написавшего свое Послание «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» [6, с. 38–40], РПЦ начала широкую патриотическую деятельность.

История Великой Отечественной войны всегда вызывала общественный и научный интерес у потомков. Но только с конца XX в. широкое освещение получила проблематика взаимоотношения Церкви и государства, Церкви и общества в военные годы, что, прежде всего, связано с открытием ранее неизвестных документов, ставших доступными для ученых с начала 1990-х гг. Таким образом, данный аспект актуализирует предмет настоящего исследования, основанного на документах Государственного архива РФ (далее – ГАРФ), для характеристики церковно-государственных отношений в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период на примере форм и условий существования женского монашества в РСФСР в целом и в Центральном Черноземье в частности.

В отечественной историографии вопросам, связанным с изучением церковно-государственных отношений в указанный временной интервал, посвящены труды О. Ю. Васильевой [2], М. В. Шкаровского [8], М. И. Одинцова [5] и др., в которых подробно проанализированы положение и деятельность РПЦ в годы борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, а также процесс возрождения православных святынь на оккупированных территориях. О жизни монашествующих в военный и послевоенный период фундаментальных трудов нет, но имеются публикации, в которых описывается судьба монашествующих в СССР или монастырей отдельного региона [7; 10].

Рассмотрим положение и жизнедеятельность православного монашества в военный период в рамках нового законодательства и сложнейших государственно-церковных отношений руководства СССР и Русской православной церкви. Наиболее ярким отражением религиозной политики государства являются показатели статистических данных о количестве храмов, монастырей, молитвенных домов и т.д. в СССР. В «Материалах о положении хозяйственной деятельности монастырей» указано, что в период с 1944 по 1946 гг. в СССР действовало «75 монастырей – 42 женских с 3125 обительницами (монахинями и послушницами) и 33 мужских – с 855 обитателями (монахами и послушниками)» [4, д. 18, л. 3]. По территории Советского Союза монастыри были распределены следующим образом: «в РСФСР – 2 монастыря (в Курской и Псковской областях), в УССР – 42, в Молдавской ССР – 24, в БССР – 3, в Литовской ССР – 2, в Латвийской ССР – 1 и в Эстонской ССР – 1 монастырь» [Там же]. Одним из возрожденных монастырей в годы Великой Отечественной войны был и Курский Свято-Троицкий женский монастырь, открытый в годы немецкой оккупации в 1942 г. Данная обитель являлась единственным женским монастырем в Центральном Черноземье в частности и РСФСР в целом, функционирующим в годы Великой Отечественной войны и послевоенное пятилетие.

О судьбе насельниц, их численности, возрасте, юридическом и хозяйственном положении, о патриотической и других видах деятельности с 1942 г. и до 1949 г. повествуют документы ГАРФ: «Справки о Свято-Троицком женском монастыре в г. Курске Курской области (ликвидированном в 1949 году)» [Там же, д. 619], «Информационные отчеты уполномоченного по Курской области» [3, д. 188], «Материалы о положении хозяйственной деятельности монастырей» [4, д. 18].

Исследование показало, что Курский Свято-Троицкий монастырь был одним из крупнейших в СССР, для сравнения приведем пример наиболее многочисленных святынь, возрожденных на территории УССР: Киевский Покровский женский монастырь – 245 человек, Киевский Введенский женский монастырь –

183 человека, Черниговский Троицкий монастырь – 70 насельниц, Одесский Михайловский монастырь – 75 человек [Там же, л. 41]. Анализ источников свидетельствует, что при открытии Курского Свято-Троицкого монастыря в марте 1942 г. в монастыре насчитывалось 155 монашествующих, но уже к 1949 г. их численность сократилась по сравнению с 1942 г. на 34 человека. Далее обратимся к возрастному составу монашествующих Курской женской обители по данным за 1947 г., который представлен в основном монахинями и рясофорными послушницами старшего возраста. Так, из 20 монахинь, проживающих на территории монастыря, 19 являются лицами старше 55 лет, например, самая старшая родилась в 1867 г., следовательно, матушки, заселившиеся в возрожденный монастырь, были его насельницами и до официального закрытия в 1923 году.

По архивным данным, монастырский комплекс, как и прежде, располагался в центре города – по улице М. Горького, 13 и представлял следующий вид: «19 построек, из них несколько небольших деревянных домов, с небольшими квартирами и малыми комнатами... три больших двухэтажных каменных дома, два больших деревянных и церковь» [Там же, д. 619, л. 1]. В Государственном архиве РФ хранится «План размещения построек быв. женского монастыря в г. Курске» [Там же, л. 30].

Действующие православные обители в СССР являлись либо общежительными (монашеская община с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с одинаковой для всех пищей и одеждой, с распределением монастырских работ между всеми монашествующими), либо своекошными (вид монастырей, в которых монашествующие могут владеть личной собственностью, в отличие от общежительных монастырей общим является только жилище и богослужение, во всем остальном каждый монах живет по своему личному усмотрению) [9]. Своекошных было меньше, чем общежительных (5 женских монастырей в Молдавии, 1 – в Украине и 1 – в России) [4, д. 18, л. 5]. Так, с 1942 г. по 1949 г. Курский Свято-Троицкий женский монастырь считался своекошным. Сестры сами обеспечивали свой собственный быт, зарабатывали себе на пропитание и проживание, поэтому каждая из насельниц обители вынуждена была искать пути и средства к существованию. Анализ архивных материалов позволяет узнать источники и виды заработков монахинь, например: за участие в хоре, за уборку и обслуживание церкви, за работу дворниками и рассыльными в учреждениях; матушкам пенсионного возраста приходилось жить за счет случайных заработков – пошивки одежды, вязания чулок, варежек, вышивания и др. Следует особо отметить, что совершенно нетрудоспособные жили на иждивении трудящихся сестер [Там же, д. 619, л. 3].

Условия жизни монахинь были далеки от некогда бывшего дореволюционного благоденствия, а именно совместное проживание 121 насельницы на небольшой площади, которая отводилась обители, было невозможным, поэтому из них 49 проживали на территории монастыря, 50 – за его пределами – в квартирах города Курска и 22 разъехались по другим районам и селам Курской области [Там же, л. 1]. Причиной сложившейся ситуации стало размещение на территории монастыря в довоенный период разных госучреждений, и после возрождения обители там же действовал «Отдел кадров и Орготдел ВКП(б), а большая часть церковного здания, в котором продолжали отправлять богослужения, вновь занята Областным архивом» [Там же, д. 18, л. 10]. Вплоть до 1949 г. на территории монастыря продолжали оставаться государственные организации и простые граждане СССР, которые получили жилье на месте бывших монашеских келий, так «два больших каменных дома занимают Обком ВКП(б). В одном из них расположены Финсектор и Партоллегиа, во втором оборудовано общежитие для приезжающих, в остальных домах живут прочие жильцы» [Там же, д. 619, л. 2]. Поэтому условия проживания сестер Курского женского монастыря были достаточно стесненными.

После окончания Великой Отечественной войны правительство обратилось к проблеме жизнедеятельности монастырей, их юридического положения. Так, постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 г. Совнаркомам республик и облисполкомам было предложено «впредь до особых указаний не препятствовать деятельности православных мужских и женских монастырей», сохранив за ними здания, земли, скот, инвентарь и мастерские [1, с. 131]. После принятия закона уполномоченные Совета по делам РПЦ по Курской области В. Н. Ефремов, Д. Д. Золотухин обращались к председателям облисполкома и горсовета с просьбой освободить помещения монастыря, однако – безрезультатно. Местные власти предлагали даже переместить обитель в какое-либо другое место на территории Курской области, но епископ Питирим (Свиридов) и игуменья Емилия (Лебедева) посчитали «совершенно неприемлемым для монастыря перемещение его в другое место, т.к. это перемещение... будет равносильно ликвидации монастыря» [4, д. 619, л. 20].

Обратимся к хозяйственной деятельности женской обители в военный и послевоенный период. В «Справках о Свято-Троицком женском монастыре в г. Курске Курской области (ликвидированном в 1949 году)» говорится о невозможности существования на территории обители «коллективного трудопроизводства... т.к. для этого нет соответствующих условий, отсутствие помещений, оборудования, инвентаря для мастерских и т.д.» [Там же, л. 4]. Следует отметить, что еще в годы Великой Отечественной войны, в 1944 г., монастырь не имел ни сада, ни огорода, ни скота, но со временем, в 1947 г., по непосредственному обращению епископа в Горсовет монастырю под коллективный огород был выделен один гектар земли [3, д. 188, л. 39], а в 1949 г. отведен был земельный участок двух гектаров, который обрабатывался сестрами и Епархиальным управлением [4, д. 619, л. 4].

Страницы отечественной истории наполнены примерами живого и действенного патриотизма РПЦ в разные военные эпохи, в том числе и страшные 1941-1945 гг. Иерархи, духовенство, монашествующие не ограничивались только молитвами о даровании победы Красной армии, а с первых дней войны участвовали в оказании материальной помощи фронту и тылу. Так, Курским Свято-Троицким женским монастырем на оборону Родины в 1943 г. было собрано 37 018 р., в 1944 г. передано 13 140 р. Кроме того, в 1944 г. обитель жертвовала все облигации, подписанные на 15 500 р. в третий государственный военный заем. Монастырем было куплено билетов денежно-вещевой лотереи на 2 550 р. Следует отметить, что еженедельно по воскресным дням священник монастыря обращался к верующим с патриотическими проповедями [Там же, л. 25 об.].

Таким образом, как показало исследование, Курский Свято-Троицкий женский монастырь являлся одним из немногих возрожденных женских монастырей в СССР в годы Великой Отечественной войны и единственным женским монастырем, функционировавшим с 1942 по 1949 гг. в Центральном Черноземье в частности и РСФСР в целом. Рассмотренный комплекс документов позволил судить о численности, возрасте монашествующих, их юридическом и хозяйственном положении, о патриотической и других видах деятельности обители в указанный интервал времени.

Список литературы

1. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Изд. Совет Русской Православной Церкви; Арфа, 2008. 352 с.
2. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943-1948 гг. М.: Институт российской истории РАН, 1999. 216 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1.
4. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2.
5. Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М., 1995. 221 с.
6. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: сборник документов / сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М., 2009. 765 с.
7. Содоль В. А. Поземельные взаимоотношения православных монастырей местных органов власти Молдавской ССР на рубеже 1940-1950-х гг. // Русин. 2010. № 4. С. 100-107.
8. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. 423 с.
9. Энциклопедия «Древо» [Электронный ресурс]. URL: <http://drevo-info.ru> (дата обращения: 13.03.2016).
10. Якунин В. Н. Православные монастыри и монашество в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории Великой Отечественной войны: мат-лы межвузовской конференции. Самара, 1996. Вып. 2. С. 52-54.

KURSK SAINT TRINITY NUNNERY IN THE 1940S

Antonenko Elena Aleksandrovna
Southwest State University
lenapuzikova@yandex.ru

The article examines the everyday life and activity of the revived in the years of the Great Patriotic War Kursk Saint Trinity Nunnery. Relying on historiographic sources and the documents of the State Archive of the Russian Federation the author analyzes the conditions and forms of the existence of the nunnery, which functioned from 1942 till 1949, within the framework of new legislation and most complicated state – Church relations. The study indicated that Kursk Saint Trinity Nunnery was the only nunnery that functioned in the RSFSR in the 1940s.

Key words and phrases: nunneries; monastery; monks; The Great Patriotic War; religious policy; activity; Russian Orthodox Church.

УДК 159.944.4:159.923.2

Философские науки

Статья рассматривает понятие-экзистенциал «пограничная ситуация» в контексте проблемы коэксистенциального со-бытия. Понятие «пограничная ситуация» впервые предложено немецким философом К. Ясперсом. Автор настоящей статьи пытается переосмыслить данное понятие применительно к проблеме коэксистенциального со-бытия. В результате пограничная ситуация определяется как ситуация, задающая предельные смыслы со-бытия через отрицание самого опыта со-бытия. Кроме того, автор пытается обозначить позитивный смысл пограничной ситуации как важнейшего условия и возможности осмысленного со-бытия.

Ключевые слова и фразы: пограничная ситуация; коэксистенциальное со-бытие; самобытие; субъект; возможность; отрицание.

Байбородов Алексей Юрьевич, к. филос. н., доцент
Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д. Н. Прянишникова
abaiborodov60@gmail.com

«ПОГРАНИЧНЫЕ СИТУАЦИИ» И ПРОБЛЕМА КОЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Общение как весьма противоречивый и многоплановый процесс может быть осмыслен с самых различных сторон, причём ключевая роль в его понимании принадлежит его субъекту, то есть человеку. Если ставится цель высветить общение *sub specie hominis*, как процесс сугубо *человекосоразмерный*, то его нельзя свести лишь к процессу коммуникации. Общение всегда направлено на обогащение самого субъекта, на конституирование его как личности. То, что составляет внутреннее пространство субъекта общения, подчас «глубинные», до поры